

**СВЕТЛАНА И АНДРЕЙ
КЛИМОВЫ**

**АНГЕЛЬСКИЙ
КОНЦЕРТ**

**СВЕТЛАНА И АНДРЕЙ
КЛИМОВЫ**

АНГЕЛЬСКИЙ КОНЦЕРТ

ИЗДАТЕЛЬСТВО
КЛУБ СЕМЕЙНОГО ДОСУГА

Харьков
2011

ББК 84.4УКР
К65

Никакая часть данного издания не может быть скопирована или воспроизведена в любой форме без письменного разрешения издательства

В оформлении обложки использован
фрагмент росписи Изенгеймского алтаря
кисти Матиаса Грюневальда

Дизайнер обложки *Людмила Кириленко*
Иллюстрации *Андрея Печенежского*

ISBN 978-966-14-1579-8 (pdf)

- © Светлана и Андрей Климовы, 2007
- © Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», издание на русском языке, 2007, 2011
- © Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», художественное оформление, 2007

Различные моменты истории — этой человеческой и божественной драмы — не являются звеньями бесконечной цепи событий и человеческих судеб, возникающих только в какой-то момент настоящего, а затем навсегда исчезающих в прошлом, бесследно и бесповоротно. Эти события и судьбы образуют ткань, которую можно постичь разумом и которая вбирает в себя всю полноту всеобщей истории, а значит, имеют таинственную привилегию повторяться и в каждый момент становиться современными в соответствии с собственным вечным ритмом. Такая таинственная привилегия позволяет нашей вере прикоснуться к тайне истории и узнать то, что она — раскрываема и все ее основные события внутренне связаны между собой.

Мы можем использовать это знание как своеобразную решетку для чтения тайнописи — накладывая ее на события, которые переживаем сейчас, чтобы расшифровать их глубину и истинный смысл. Эта решетка закрывает в криптограмме все второстепенное и наоборот, выявляет все существенное. Хаос событий утрачивает свой случайный характер, и тогда проявляется их скрытая структура, указывающая на окончательную развязку...

Гастон Фессар

Нулевая отметка

Шестнадцатого июля 2006 года ксендз Владислав, настоятель костела Святого Сердца, обвенчал нас с Евой, и на этом завершилась целая эпоха в моей довольно беспорядочной жизни.

На венчании настояла Ева — и я согласился, хотя и был крещен в православии. Тем более что препятствий для этого не было никаких: обе церкви, с оговорками, признают общность совершаемых таинств. Присутствовали только мать Евы и свидетели — доктор Стацевич и его соседка Ирина. Кроме нас в эту субботу в храме находилось всего десятка полтора прихожан.

Вечером того же дня в тысяче километров от местечка Устье, где состоялась церемония, двое пожилых и весьма уважаемых людей, о существовании которых я не имел ни малейшего понятия, завершили свой земной путь.

Когда это случилось, уже совсем стемнело. Мы с Евой сидели вдвоем на берегу озера, и под влиянием второй бутылки «Каберне» я то и дело порывался поговорить о планах на будущее. Откуда мне было знать, что эта двойная смерть от большой дозы редкого токсина природного происхождения имеет к нашему будущему самое непосредственное отношение?

И в самом деле — я-то был попросту счастлив, а такое во все времена случается нечасто. Волосы Евы отливали медью, и от ее бедра исходило нежное тепло, которое я чувствовал даже на расстоянии, несмотря на то что мы были вместе давным-давно — с тех пор как я покинул сумасшедший дом, спасший жизнь мне, а отчасти и Еве.

Кое-кому все это может показаться странным, но в жизни вообще происходит столько необъяснимых вещей, что с возрастом просто устаешь удивляться. Реальность меры не знает, и нет ничего особенного в том, что я, Егор Башкирцев, двадцатипятилетний юрист, с успехом начавший карьеру адвоката в большом городе, уже год торчу без работы и средств к существованию в захолустном местечке в соседнем государстве, где недействительны мои диплом и лицензия, а профессиональные навыки могут пригодиться разве что в спорах между соседями по поводу границ картофельных соток. И при этом пребываю в здравом рассудке и полной памяти.

На все есть свои причины и основания — именно поэтому шестнадцатого июля, в один из лучших дней моей жизни, я трезво, несмотря на «Каберне», продолжал сознавать, что рано или поздно мне придется все начинать сначала — то есть с нуля.

Стечение обстоятельств, а также собственное упрямство и нежелание считаться с тем, что нашим миром правят не самые дружелюбные силы, привели к тому, что меня вышибло, как пробку из бутылки с теплой шипучкой, не только из юридического сообщества, но и из родного города и даже из страны — правда, не так уж и далеко. И тем не менее я не сожалел об этом ни секунды — и прежде всего потому, что встретил здесь свою Еву и почти целый год мы прожили с ней в раю, хоть и во грехе, как считала ее мать.

Однако и в раю приходится думать о пропитании, а к сельскому хозяйству я не испытывал ни малейшего влечения. К тому же я успел внушить себе, что прошло достаточно времени для того, чтобы все, что случилось дома, было основательно забыто. И, разумеется, ошибся.

Но об этом — позже.

— Ева, — произнес я, поднося огонек зажигалки к шалашику из сухих можжевельных веток. — Ева, детка! Давай поговорим серьезно...

Шалашик занялся сразу — широким белым пламенем. — Нет! — она так резко встряхнула головой, что комар, пристроившийся на ее щеке, панически бросился в сторону и угодил в самый жар. — Нет и нет! Я отсюда — ни ногой!

В подтверждение этих слов моя жена натянула на голые колени подол зеленой шелестящей юбки и устроилась поудобнее, всем своим видом давая понять, что никакими ухищрениями переубедить ее не удастся.

Я хмыкнул. Прошли те времена, когда молодые, пусть и замужние женщины со сливочной кожей, усыпанной крохотными бледными веснушками, серо-зелеными глазами, слегка вздернутым носом и стальным характером рвались в Москву или, скажем, в Париж.

Впрочем, мировых столиц я Еве и не предлагал — в мои планы входило всего лишь возвращение в губернский промышленный город с двумя миллионами населения, посредственным климатом, запущенными дорогами и массой обычных проблем. Там у меня имелось жилье — пустующая уже год однокомнатная квартирка, за которой присматривала моя пожилая соседка и добрая приятельница Сабина Новак, с десятком друзей, знакомых и коллег и намного больше врагов. Пылкой привязанности к своему городу я не испытывал, да и он ко мне, судя по всему, тоже.

К чему тогда вся эта суета? Достаточно съездить туда на неделю, найти покупателя на квартиру и снова вернуться в Устье. Денег этих могло бы хватить, по здешним меркам, на несколько лет вполне обеспеченной жизни. Счастливых и спокойных. Рядом с женщиной, которую я люблю и ради которой готов принести в жертву что хотите. На берегу озера, где еще не перевелись угорь и лини с доброе полено. В бронзовых сосняках и черных ельниках, где в сентябре от боровика до боровика максимум пять шагов. И зимой здесь по пояс чистого, горящего синим огнем снега, а Рождество празднуют все вместе... Продолжать?

— Видишь ли, Ева, — осторожно начал я, но она, как всегда опережая меня, совершенно нелогично воскликнула:

— Ну хорошо! Пусть! Я готова. Но ты должен обещать, что мы вернемся. Мама просто не переживет, если мы уедем насовсем.

На секунду я почувствовал себя боксером, чей правый прямой через руку просвистел в пустоту. Изготовившись к длительной осаде без особой надежды на успех, в этот момент я испытывал что-то вроде разочарования.

Избавиться от этого чувства было проще простого: я отшвырнул сигарету и на четвереньках пополз к Еве, мыча что-то вроде «детка, я всегда знал, что ты настоящее сокровище!..» Однако когда я уткнулся физиономией в складки шелковой юбки, вдыхая ее чистый запах — что-то вроде поздних яблок с капелькой корицы, — Ева внезапно испуганно вскрикнула.

Я приподнялся. Из темноты, из самой гущи ольховых и можжевельных зарослей на нас смотрела пара глаз, плавающих мрачным багровым огнем. Я свистнул, в озере в ответ плеснулась рыба, а глаза переместились на полметра в сторону. Я посвистел еще, и в круг, освещенный пламенем моего костерка, вступила собака — совершенно незнакомая, по крайней мере, в Устье такие мне на глаза не попадались. Черная с белым, какой-то коровьей масти, короткошерстная, остромордая и упитанная дворняга с огромными стоячими ушами и голым, как ивовый прут, хвостом.

В честь знакомства я бросил псине ломтик ветчины, но она только понюхала его и отвернулась.

— Похоже, что ее папаша был бультерьер, — сказала Ева.

— Ясное дело, — согласился я, обнимая ее. — А мама — летучая мышь.

Ева засмеялась, но как-то неуверенно. Дворняга развернулась и зашелестела прибрежной осокой. Стало слышно, как она лакает черную воду, и тогда Ева вдруг сжала мое запястье и проговорила вполголоса:

— Не нравится мне эта затея, Егор.

Руки у нее были как лед, хотя ночь стояла совершенно теплая и тихая, сильно пахло переспелой земляникой...

Спустя два месяца, в полдень, мы ступили на перрон Северо-Западного вокзала, и на нас тут же набросилась толпа потных голосящих людей с пивом, копчеными курами, помидорами и топорной работы фаянсовыми сервизами. Сентябрь выдался на редкость теплым, поезд шел транзитом на юг, набитый под завязку любителями бархатного сезона, и наш вагон покинули всего два пассажира — я и Ева.

Пока мы пробивались к туннелю, она ошеломленно вертела головой, а я, чертыхаясь, волок ее чемодан и отгонял прилипчивых таксистов, готовых мигом сгонять хоть на Ближний Восток. Мое личное имущество находилось в рюкзаке, который несла Ева.

Когда мы нырнули в метро, где было прохладнее и не таклюдно, она наконец взглянула на меня и насмешливо спросила:

— И это ты называешь почти Европой?

С визгом подлетел поезд, мы вошли, и когда двери вагона сомкнулись, я тупо прочел на рекламном листке прямо у себя под носом: «Первоклассный секонд-хэнд из Франции и Германии! Все новое!» — и покосился на Еву. Она тоже читала, а полвагона глазело на ее распущенные волосы и туго обтянутые короткими шортами ягодицы.

Вопрос я оставил без ответа, и после двух пересадок и короткой поездки в троллейбусе мы с ней уже стояли у подъезда нашего дома.

Здесь все было как прежде, если не считать магазинчика-стекляшки, выросшего в сквере напротив. Правда, старую дверь подъезда заменили на бронированную махину с кодовым замком — и это означало, что проникнуть внутрь с ходу не удастся.

Я грохнул чемодан на асфальт и опустился на скамью на самом солнцепеке, нащупывая в кармане сигареты.

— Что случилось? — удивилась Ева.

— Чертов замок... — смущенно пробормотал я. — Раньше его вроде бы не было. Придется подождать, пока кто-нибудь появится и откроет, — я не знаю кода.

— В самом деле? — Ева легко взбежала по ступеням и наклонилась, разглядывая панель с кнопками.

— Брось, детка, — сказал я. — Не трать время.

Она его и не тратила. Не прошло и минуты, как замок зажужжал, шелкнул и дверь распахнулась.

— Добро пожаловать! — Ева обернулась и похлопала ладошкой по нагретому металлу, выкрашенному сизой военно-морской краской. — Наш код — триста шестьдесят девять.

В лифте я попытался обнять ее, но она увернулась и стала смотреться в зеркало на стене кабины, в котором отражались две распаренные физиономии.

— Как ты это сделала? — спросил я.

— Ерунда, — отмахнулась Ева, слуывая прядь с влажного лба. — Поживи с мое в городе.

Я достоверно знал, сколько Ева там прожила. Одиннадцать месяцев, и те в общежитии педагогического колледжа. Поэтому, когда лифт добрался до пятого, я повторил:

— И все-таки?

Лифт застонал и остановился. Ева вышла и сразу же повернула направо, будто сотню раз здесь бывала.

— Господи, — проговорила она, останавливаясь и поджидая меня, — чего проще: в этих замках код подбирают так, чтобы дверь легко было открыть одной рукой, потому что другая занята сумкой. А домохозяйки, как известно, правят миром. Остальное несложно, потому что таких комбинаций раз-два и обчелся.

Пока я возился с ключом, она не позволила себе ни единого замечания — момент был почти торжественный. На-

конец дверь поддалась, я перебросил чемодан через порог и глубоко вдохнул застоявшийся воздух моей берлоги. Стены пропитались мертвым табачным дымом годичной давности, а забытая на вешалке куртка смотрела угрюмо и укоризненно. Где-то в кухне из крана капала вода.

— Ну вот, — сказал я, разводя руками. — Родимое пепелище. Не пугайся.

— Вполне симпатично, — Ева шагнула в комнату, на ходу освобождаясь от рюкзака и сбрасывая кроссовки. — А окна у тебя открываются?

— Открываются, — я с треском рванул дверь на балкон, залитый солнцем.

С таким же успехом можно было включить духовку, но дышать определенно стало легче. Ева босиком прошлепала в ванную, и через минуту там зашумела вода.

В последний раз я покидал этот дом поздней ночью, причем в страшной спешке, чтобы кружным путем помчаться в аэропорт. Сорок минут в ожидании, пока объявят регистрацию на мой рейс, показались мне вечностью — большего страха и унижения мне не приходилось переживать ни до, ни после. И все потому, что некий влиятельный господин, чья судьба по чистой случайности пересеклась с моей, был досрочно освобожден из заключения по состоянию здоровья. А это означало, как доступно объяснил мой старый знакомец, в то время старший следователь городской прокуратуры Алексей Валерьевич Гаврюшенко, что наши с ним жизни болтаются на волоске. В списке тех, с кем намеревался разобраться досрочно освобожденный, сам Гаврюшенко стоял первым номером, а я — где-то четвертым.

Понятно, что за спиной я оставил руины. У меня и в мыслях не было наводить порядок перед тем, как смыться отсюда. По всей комнате валялись бумаги, одежда, пустые пластиковые бутылки и пакеты, пепельницы были забиты окурками, а свет я оставил включенным совершенно созна-

тельно — в полной уверенности, что за домом ведется наблюдение и это хотя бы на время собьет с толку моих преследователей.

Теперь здесь было прибрано, пыль практически отсутствовала, телефон работал, а под ним лежала аккуратная стопка коммунальных счетов, оплаченных в срок. Всем этим я был обязан Сабине Новак, обитавшей вместе со своим скотчтерьером этажом выше. Той самой Сабине, которой я даже не удосужился позвонить и предупредить о нашем приезде. Полное свинство, с какой стороны ни посмотри.

Возвращаясь назад, скажу только, что остаток лета прошел как короткий вздох сожаления. Мы много бродили по пустынным озерным берегам среди сосновых рощ, ловили мелких травяных шук и линей, плавали до изнеможения, валялись в траве на солнцепеке и занимались любовью где попало, словно впереди у нас была целая вечность. И постепенно я начал жалеть, что втянул Еву в эту авантюру с возвращением. Может, и в самом деле стоило раз и навсегда поставить крест на моих амбициях, все забыть, наплевать и начать какую-то другую жизнь — скромную и непритязательную.

Но Ева с ее безошибочным чутьем точно знала, что я не успокоюсь до тех пор, пока не попробую еще раз. Наша с нею связь была намного глубже, чем та, что обычно соединяет любовников или мужа и жену, потому что однажды мы вместе заглянули за черту, где не действуют никакие правила, а человек не стоит ни гроша.

Такая вот история.

Потому-то я и торчал посреди этой комнаты со сползающими со стен обоями, уставившись в мертвый монитор моего старенького компьютера. И при этом понятия не имел, с чего начинать.

— Кофе, — сказала Ева, входя и ставя на стол перед монитором чашку. — Ты не помог бы мне открыть чемодан? Там замок заело, а чемоданы — не мой профиль.

На ней ничего не было, кроме моей старой фланелевой рубашки с продранными локтями. Влажные волосы развились, глаза блестели, как трава после дождя.

Я тут же забыл про кофе, про чемодан и про все остальное, однако у Евы оказались совсем другие планы...

Спустя четверть часа я уже бодро направлялся в ближайший супермаркет, на ходу размышляя о человеке по имени Луи Николя Робер. Точнее, не о нем, а о последствиях его изобретательности. Несмотря на то что еще в 1798 году этот самый Луи создал первую машину для изготовления бумаги, а еще через десять лет немцы Кениг и Бауэр опробовали первый типографский станок для печати больших тиражей, и все это вместе взятое вроде бы позволило решить проблему дефицита денег в Европе, — для нас с Евой финансовая проблема оставалась более чем насущной. Денег, которые мы привезли с собой, при самой зверской экономии должно было хватить максимум на пару месяцев, а значит, поиски работы нельзя откладывать ни на день.

Когда человек всерьез намерен решить какую-нибудь задачу, часто оказывается, что он готов к этому гораздо лучше, чем ему самому кажется. Домой я возвращался с пакетом покупок и списком имен тех, кому собирался позвонить в первую очередь. А также с убеждением, что город за год практически не изменился. Только на каждом углу лезли в глаза новые вывески банков, а на то, чтобы перейти дорогу, требовалось куда больше времени. Похоже, у соотечественников образовался избыток наличности.

Список вышел коротким. Там выстроились пятеро моих преуспевающих однокурсников, парочка пожилых юристов, с которыми мне приходилось в разное время поддерживать деловые отношения, а последним значился все тот же старший следователь Гаврюшенко. Хотя, по здравом рассуждении, с него бы и следовало начинать.